

Человеческая память / Сказка Шахеразады

Category: Ertekiler, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Человеческая память / Сказка Шахеразады ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

... и когда наступила сто двадцать седьмая ночь, Шахеразада сказала:

— Вот что случилось, султан, — один Аллах султан! — когда-то в городе Дамаске.

В Дамаске жил купец, по имени Гассан. Он был и богат, и умен, и честен, — что случается нечасто. И Гассана знал весь город.

Он был молод, но уже вдовец. Его супруга умерла, не оставив ему воспоминаний — детей. И он легко согласился на уговор своих родственников — жениться во второй раз.

Его сестры выбрали ему молодую девушку, — прекрасную, как прекрасна бывает луна на свой четырнадцатый день.

Был устроен свадебный пир, роскошный, потому что Гассан был несметно богат, — и когда настал час брачных утех, родственницы жениха отвели невесту в опочивальню, раздели и со смехом и шутками положили на постель, задернув ложе тончайшей шелковой занавеской, какие умеют делать только в Китае.

С весельем вернулись женщины на пир и объявили, что, при добром желании, для удовольствия нет больше никаких препятствий.

И новобрачный пошел в опочивальню.

Его сопровождали родные и друзья, как это бывает всегда на свадьбах и похоронах. Сопровождали женщины, которые любят брачные ночи, потому что это пробуждает в них прекрасные воспоминания, и девушки, в которых это рождает восхитительные надежды. Впереди шли веселые музыканты.

Гассан шел медленно, соблюдая свое достоинство, — чтобы кто-нибудь не подумал, что он, забыв уважение к приличиям, бежит навстречу удовольствиям.

Медленно вошел в опочивальню Гассан и, как подобает уважаемому

человеку, сел против постели на расшитые золотом подушки, чтобы еще раз показать, что он совсем не торопится.

Как не торопится человек, который приобрел сад, сорвать в нем все цветы.

Мужчины и женщины, стоявшие направо и налево от Гассана, осыпали его шутливыми пожеланиями, молодежь состязалась в остроумии, старики и старухи – в вольности шуток.

Но вот смолкло тихое пение флейт музыкантов, игравших за дверями.

Настал миг всем удалиться.

Гассан поднялся с шитых золотом подушек, чтобы поблагодарить гостей. И в это время, султан... В это время с него упали шаровары.

И, в распахнутом халате, Гассан явился пред гостями в том виде, в каком вы, мужчины, с некоторым конфузом предстаёте даже перед банщиками, ничего не видящими для себя оскорбительного в голых мужчинах, потому что они не видели иных.

Женщины начали громко и оживленно говорить между собой, чтобы сделать вид, будто они ничего не заметили.

Мужчины в смущении стали задавать друг другу самые неподходящие вопросы:

– Почему теперь шерсть?

– Какая цена на фисташки?

– Безопасна ли дорога в Багдад?

Молодая, которой сквозь прозрачную занавеску было видно все, что происходит в освещенной комнате, и которой не было видно никому, не могла удержаться от взрыва смеха и начала звенеть браслетами, чтобы заглушить свой хохот. У Гассана покраснели даже ноги.

Он поднял шаровары и, поддерживая их руками, выбежал из спальни и из дома.

Его охватил такой стыд, что он, не рассуждая, вскочил на первого, стоявшего во дворе коня, принадлежавшего кому-то из гостей, ударил его пятками под бока и, колотя кулаками по шее, вылетел на улицу.

Не привыкший к ударам конь летел, как птица, как вихрь. Так

семь дней и столько же ночей скакал Гассан, едва останавливаясь на несколько часов, чтобы дать передохнуть измученному коню.

Стыд хлестал Гассана, Гассан хлестал коня. И через семь дней Гассан приехал в чужую, незнакомую страну, в большой город. У Гассана не было денег, – потому что, – ты понимаешь, султан, – никто не берет с собой денег, идя в опочивальню своей жены.

Гассан продал роскошный халат, который было на нем, и проклятые шаровары – причину его несчастья – купил себе скромное платье, но с более крепкими завязками. Продал измученного коня, богатое седло и уздечку.

И на вырученные деньги купил фисташек в сахаре, шербета, орехов в меду, и пошел по улицам незнакомого города, крича: – Женские утехи! Женские утехи!

Гассан был молод и очень красив, – и во все гаремы звали молодого и красивого торговца, находя, что у Гассана особенно вкусны орехи и особенно ароматен шербет.

Быстро и по хорошим ценам распродав свой товар, Гассан открыл на базаре маленькую лавочку серебряных вещей, – и, с прибылью распродав серебряные вещи, открыл большую лавку золотых.

Через год Гассан торговал уже драгоценными камнями. А через два он был самым богатым купцом в городе. Люди уважали его за богатство и любили за честность и ум. Девушки жалели, что он не хочет жениться, а женщины этому радовались.

Слух о достоинствах Гассана дошел до местного эмира. Эмир захотел увидеть Гассана и, придя в восторг от его ума, сделал Гассана своим другом.

Когда вскоре умер престарелый великий визирь, эмир возвел своего друга Гассана в звание великого визиря.

И умный, честный Гассан издал много мудрых законов, осчастливив страну, жители призывали на голову визиря благословения Аллаха, –

Аллаху слава и молитвы! – и слава Гассана распространилась по земле, как масло растекается по воде, и дошла до самых отдаленных стран. Эмир не однажды говорил Гассану:

– Среди моих невольниц есть столь же прекрасные, сколь искусные в музыке, пении и танцах, – способные развеселить

жизнь человека. И спальни которых были для меня так же священны, как спальни моих дочерей. Выбери себе одну из них – и будь мне сыном.

Но Гассан каждый раз целовал землю у ног эмира и отвечал:

– Говори мне об этом, повелитель, только тогда, когда ты хочешь услышать из уст моих: нет.

Эмир отвечал:

– Аллах один повелитель!

И не расспрашивал дальше, умея уважать молчание так же, как мудрые слова. Так прошло десять лет.

И не было в течение этих счастливых десяти лет ни одного дня, чтобы Гассан не вспоминал о своем Дамаске.

И когда исполнилось десять лет, тоска по городе, где он родился, так охватила душу Гассана, что однажды ночью, не говоря никому ни слова, Гассан покинул дворец своего покровителя. Не желая, чтобы его сочли корыстным или неблагодарным, взял с собой золота, только чтоб хватило на дорогу, и пешком ушел в Дамаск.

Долго шел он, слабело тело, и выше уносилась душа. Когда утром, с вершины холма Гассан увидел в лучах солнца родной город, – Гассан не мог удержаться и залился слезами.

Словно приближаясь к Каабе, ступал он по священной земле родины.

Словно по Мекке, шел по улицам Дамаска. И слышал разговор.

Сидя у дверей своего дома, женщина, – да не оскорбится твой слух, султан, – искала насекомых в голове своей дочери, которой на вид было лет десять. Девочка сказала:

– Я давно хотела спросить у тебя: когда я родилась, и сколько мне лет? Мать отвечала:

– Тебе – десять лет. Ты родилась в тот самый год, когда с Гассана свалились шаровары.

Услышав это, Гассан в ужасе схватился за голову.

– Как?! Они с этого ведут свое летосчисление?!

Гассану показалось, что минареты покачнулись и дома поплыли у него перед глазами.

– Вы можете достигнуть вершин могущества и славы. Все потеряв, снова стать первым богачом! Сделаться великим визирем

огромнейшего государства! Осчастливить миллионы людей. Быть мудрым! И при вашем имени будут вспоминать только то, что у вас когда-то свалились шаровары! И всякая дрянь будет рассказывать об этом своей покрытой коростой девчонке! Гассан повернулся и ушел из Дамаска, чтоб больше никогда не возвращаться.

Вот та частица истины о людях, которая известна мне, султан. А все знает один Аллах!

И Шахеразада смолкла, потому что небо становилось розовым, и наступал день.

Влас Дорошевич. Ertekiler